

Жизнь замечательных людей

Михаил Барро

**Пьер-Огюстен
Бомарше. Его жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Барро М. В.

Пьер-Огюстен Бомарше. Его жизнь и литературная деятельность
/ М. В. Барро — «Public Domain», — (Жизнь замечательных
людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Предисловие	6
Глава I. Детство и годы учения	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Михаил Барро

Пьер-Огюстен Бомарше. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк М. Барро

С портретом Бомарше, гравированным в Лейпциге Геданом

Предисловие

«Видите вы эту яблоню, – говорит Рудин, – она сломилась от тяжести и множества своих собственных плодов. Верная эмблема гения»... Это изречение особенно справедливо в применении к Бомарше. Он именно подавлен избытком своих сил. Писатель, он постоянно рвется на арену кипучей деятельности в совершенно противоположной сфере и даже разом в нескольких сферах. Что ни задумывает, он постоянно задумывает широко, музыка теснится в его драме, драма – в музыке, и везде звучит и блещет у него что-нибудь новое, неожиданное, оригинальное или, лучше, вспыхивает ярко, ослепительно, чтобы смениться чем-нибудь столь же ярким и ослепительным. Он, как Петр Великий в определении Пушкина, —

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник...

Но не только здесь кроется причина «подавленности» Бомарше. Подобно яблоне, обремененной плодами, он согнулся и сломан, но не одни плоды пригибают его долу... Как ни высоко стоит гений над толпою, он все-таки сын этой толпы, дитя одной с ней эпохи. Он отмечен не только ярким светом тысячи благородных искр, чуть заметно тлеющих в сердцах его современников, но в то же время носит на себе и язвы этих последних. Автор «Женитьбы Фигаро», смелый обличитель всякой неправды, защитник угнетенных, он очень часто оказывается совсем не на той дороге, куда призывает других. Он пробирается иными путями. Он знает, что эти пути некрасивы, но, кроме идеи, его влечет еще жажда жизни, сытой, спокойной, и он смело заносит свою ногу в топкое болото, потому что вдали, по ту сторону, виднеется тихая пристань довольства. В конце концов он почти потерял из виду ту цель, к которой стремился в своих произведениях, и когда нация напрягала все силы над новым зданием общественной жизни, ее глашатай ломал свою голову над украшением пышного жилища сибарита. Свободолюбивый Фигаро, от долгого общения с графом Альмавивой и его гостями, он, как старый лакей, потерял свое лицо и стал ужасно походить на барина, которому служил. «В одну ночь, – говорит об этом Берне, – Бомарше сделался дураком, в одну ночь потерял всю свою благородную отвагу, свой ум, свою ловкость, свою прежде несокрушимую твердость»... Это было накануне разрушения Бастилии.

Но суд истории не может объявить Бомарше: «Суд презирает тебя и объявляет бесчестным». Французское общество опередило творца Фигаро. Он умер, как Моисей, на границе обетованной земли, на заре новой жизни, но кому суждено было увидеть и солнце этой жизни, те обязаны были этим зрелищем все тому же Бомарше. На извилистом пути исторического прошлого это – один из светочей, озарявших путь, один из голосов, могуче призывавших: «Вперед! вперед!»... Этот голос не замолк еще и ныне... Разверните «Женитьбу Фигаро»: не одним весельем веет от этой книги, чувствуется в ней что-то родное, перед глазами начинают мелькать Альмавивы, незаметно превращающиеся в Скалозубов и Фамусовых, и другие «знакомые все лица»... В этом влиянии произведения Бомарше лучшее оправдание писателя перед потомством. Его смех далеко не потерял еще своего значения, как не перевелись еще уголки, где Фигаро по-прежнему опасный человек, по-прежнему извивается на все лады, чтоб отстоять свою личность под стремительным натиском продажных Марэнов, взяточников Гезманов, лицемеров Бежарсов и других, и других... Не лишены также поучительности и темные стороны в характере Бомарше. Как ни велика личность этого человека, как ни могуч его характер, среда все-таки заедает его, необходимость постоянных сделок с совестью, приспособления к обстоятельствам навсегда кладут на него какой-то пестрый отпечаток и вырывают у самого писателя мучительный вопрос, кто же был он, наконец, чему поклонялся и что сжигал...

Глава I. Детство и годы учения

Даниэль Карон и Мария Фортен – кальвинисты. – Андре-Шарль Карон – драгун, католик и часовщик. – Его женитьба и дети. – Рождение Бомарше. – Характеры его отца и матери. – Детские игры и воспитание Бомарше. – Обучение в Альфорской школе. – Возвращение домой. – Бомарше в 13 лет. – Изгнание его из дому. – Договор с отцом. – Успехи в роли часовщика. – Столкновение с Лепотом и победа. – Карон-сын – королевский часовщик.

«Господь, Творец всего сущего, да будет нашим помощником и началом. Аминь»... Такими словами начинается список четырнадцати детей Даниэля Карона и его жены Марии Фортен. Своеобразная метрическая запись исполнена без обычных формальностей, в старой истрепанной книжке вроде тех, в которых бережливые хозяйки ведут счет своим расходам. Даниэль Карон был кальвинистом, кальвинистом после отмены Нантского эдикта, следовательно, еретиком, человеком вне закона. По ремеслу же он был часовщиком. Он жил в старой провинции Бри, в небольшом городке Лизи на Урке, теперь в департаменте Сены и Марны. Провинция Бри была очагом самого рьяного кальвинизма. Ни красноречивое слово Боссюз, ни грубая сила драгонад, ничто не могло сломить нормандских последователей Кальвина. Лишенные прав гражданства и права совершать в городе свое богослужение, они укрывались в пустынных местах и там молились, пользуясь проездом странствующего пастора. Их браки не признавались действительными, дети считались незаконными. Этим объясняется странная форма метрической записи Каронов.

Почти все многочисленное потомство Даниэля Карона умерло до зрелого возраста. Крепче других детей оказался четвертый – Андре-Шарль Карон. Он родился 21 апреля 1698 года и спустя десять лет лишился отца. Вдова Карона переезжает в это время в Париж. Что заставило ее переменить место жительства, хотела ли она найти покой в столице, всегда более веротерпимой, чем провинция, или под влиянием забот о детях в ней слабела уже вера в то, что так стойко защищалось в Лизи на Урке?.. Прямых ответов на эти вопросы не имеется, но есть косвенный ответ на последний вопрос. Едва достигнув совершеннолетия, сын кальвинистки Марии Фортен, Андре-Шарль Карон поступает в ряды тех самых драгунов, при виде которых дрожали еретики провинции Бри. Он был в летах, когда жива еще связь между отцами и детьми; невольно возникает поэтому предположение, что Андре избрал военную карьеру с согласия своей матери... Впрочем, он недолго носил пестрый мундир драгуна. Неизвестно, по каким причинам 5 февраля 1721 года он покинул военную службу и, поселившись в Париже, стал изучать ремесло отца. С верой родителей было иначе. Менее чем через месяц после приезда в Париж Андре Карон принял католичество и закрепил свое отречение распиской: «7 марта 1721 года в церкви Nouvelles Catholiques я отрекся от ереси Кальвина». В последующей своей жизни Карон всегда свято соблюдал все обряды католической церкви, но все-таки есть основание думать, что его обращение было одним из средств борьбы за существование. Католицизм был в эту пору своего рода правом на заработок и свидетельством благонадежности. И Андре Карон опирается на это право. Через год после отречения от ереси Кальвина он подает прошение в государственный совет на королевское имя и ходатайствует об утверждении в звании часовщика. Для этого требовалось определенное время выучки под руководством «патентованного» мастера. Карон не удовлетворял этому требованию, и потому, в подкрепление своей просьбы, он ссылается на свое обращение в католичество. Вероятно, этот аргумент оказался достаточно веским, так как прошение Карона было удовлетворено вопреки установленным правилам. Получив звание часовщика, через три месяца после этого, 13 июля 1722 года, Андре Карон женился на Луизе Пишон, дочери парижского буржуа, как расписался ее отец в церковной книге. По исследованиям Жаля, от этого брака родилось не менее десяти

детей, семь дочерей и три сына. Первым ребенком Каронов была дочь Мария-Винцентина, вторым тоже дочь – Мария-Жозефа. Мария-Жозефа вышла потом замуж за Гильбера, архитектора Его Величества, короля Испанского, и жила в Мадриде вместе с мужем и сестрою Марией-Луизой, четвертой дочерью Каронов. Вероятно, ни положение, ни жалование королевского архитектора не представляли собой ничего ни высокого, ни выгодного, так как жена Гильбера еще содержала в Мадриде модный магазин. Третий потомок Каронов и трое последних были тоже дочери. Имя первой неизвестно, имена остальных в порядке их рождения – Мадлена, Мария-Юлия и Жанна. В 1756 году Мадлена вышла замуж за известного часовщика Лепина. Это все, что можно сказать о ней; не больше известно также о ее сестрах, исключая двух последних. Особого внимания заслуживает Мария-Юлия. Она родилась в 1735 или 1736 году. Ее наружность и вся фигура не лишены были привлекательности, судя по мадригалам воспевавших ее неведомых поэтов. Со хранившиеся письма Марии-Юлии рисуют ее весьма симпатичными чертами. Она любила читать, ее увлекали то Дидро, то Ричардсон, и все эти увлечения сейчас же отражались в ее письмах, несколько вычурного и неровного характера, с заметной склонностью к остроумию. Кроме родного языка, по словам Ломени, она знала еще испанский и итальянский, недурно играла на арфе и виолончели и даже писала музыку и стихи, невысокого, впрочем, достоинства. Вместе с Жанной Мария-Юлия нередко участвовала в домашних спектаклях. Она играла, между прочим, Дорину в «Тартюфе» Мольера. Ей не чуждо было в то же время осмеянное тем же Мольером стремление мещан разыгрывать из себя аристократов: провинция постоянно поражала ее дурным тоном. Все эти свойства своего характера она наследовала от отца.

Из троих сыновей Андре Карона двое – Огюстен и Франсуа, умерли, не достигнув отроческого возраста. Что касается третьего, то это был творец «Фигаро», Пьер-Огюстен Карон де Бомарше. Он родился 24 января 1732 года, в год первого представления «Заиры» Вольтера, во время религиозной борьбы в парламенте и разлада в среде духовенства, среди волнений по поводу чудес на Сен-Медарском кладбище («Умственные эпидемии» Реньяра). «Рукоплекания в театре, шумные дебаты в парламенте, глухой ропот Сорбонны и рычание конвульсионеров, – говорит Гюден, – не достигали колыбели ребенка, но так как они продолжались в течение всей его юности, то, несомненно, произвели некоторое впечатление на этого страстного гения». С этим мнением нельзя не согласиться. Но ближайшая среда еще сильнее влияла на ребенка, ближайшие спутники его первых шагов, родители, сестры и братья.

Как уже известно, отречение Андре Карона от ереси Кальвина было отчасти средством борьбы за существование, но только отчасти. Были еще другие причины этого отречения. Религиозные воззрения Кальвина, революционные относительно католической церкви, сами по себе были явлением в высшей степени консервативным. Они налагали на личность тяжелые путы, как бы очерчивали вокруг нее магический круг, исключавший всякие поиски других истин, других горизонтов. Это было по плечу аскету по природе, человеку холодному, но вовсе не вязалось с характером Андре Карона. Строгий, как настоящий кальвинист, холодно внимающий жгучему красноречию католического проповедника, он вдруг становился сентиментальным, почти до слез, как это видно из многих его писем. Он любил литературу и, судя по его цитатам и сравнениям, особенно увлекался сентиментальной литературой. Грандисон увлекает его до того, что он читает эту книгу серьезно больным, как только недуг хоть несколько позволит ему забыть о страданиях. Ему не чужды также приливы легкого юмора; Рабле, может быть, менее Ричардсона, все-таки знаком этому человеку... Андре Карон был женат три раза, во второй и третий раз почти стариком. Эта склонность к женской ласке окончательно дорисовывает чувствительную натуру Карона-отца. Само ремесло Карона говорит в пользу его ума, В XVIII веке часовщик почти всегда в то же время механик и инженер. Дух изобретательности царит в эту пору среди ремесленников этого цеха. Часовщик Гюго вместе с Буге и Кондамином принимает участие в перуанской экспедиции для измерения градуса меридиана под экватором.

Ромильи первый устраивает часы, бьющие секунды, и часы с заводом на целый год. Из четырех сыновей часовщика Леруа двое получают ученые степени. По-видимому, и Андре Карон не ограничивался тесным кругом своего ремесла. В 1746 году мадридский губернатор обращался к нему за советом об употреблении машин для расчистки рек и гаваней. Карон дал ответы вполне ясные и точные как человек, знакомый с делом.

О жене Карона можно сказать, что она была домовитая, добрая женщина, но руководящая роль в воспитании детей принадлежала не ей, а мужу.

Картину детства будущего знаменитого писателя сохранила потомству сестра Мария-Юлия в плоховато написанной поэме на манер «Энеиды» и «Генриады» со знаменитым началом «пою». Бомарше – главный герой этой поэмы и предмет восторгов ее автора. Член многочисленного семейства, он то и дело ускользает от родительской опеки. Он целый день на улице, во главе многочисленной банды девчонок и мальчишек, таких же сорванцов, как и он. Кухарка Марго напрасно защищает от них кладовую, а мирные обыватели улицы Сен-Дени – места рождения Бомарше – тщетно пытаются уснуть под оглушительный хохот и крики многочисленных спутников юного Карона. Во всех играх и затеях детворы сын часовщика оказывается на первом месте. Он любил, между прочим, разыгрывать судью и, заседа в кресле, в самодельном костюме представителя право судия, разбирая жалобы истцов, своих сверстников, причем всегда вел дело таким образом, что и правые, и виноватые одинаково получали от него обильные колотушки. В своих играх дети обыкновенно подражают старшим, копируют виденное и слышанное. Пройдет воинский отряд с музыкантами впереди, и смотришь, – толпа мальчишек, вооружившись палками, уже марширует на какой-нибудь площадке. Религиозная процессия нарушила обычное движение улицы, – и те же мальчишки со всякою всячиной в руках, в слабом подобии священнического облачения, копируют виденное ими религиозное шествие. Такого же, вероятно, происхождения была игра Бомарше в судью. Шарж, с которым он разыгрывал эту роль, заставляет думать, что комический судья, любитель заушения, перенесен им в детские забавы с подмостков какого-нибудь балагана. С другой стороны, в семейном архиве Каронов сохранился так называемый мемуар, откуда видно, что отцу Бомарше случилось встречаться с представителями правосудия. Очень может быть, что отцовские рассказы о судебной процедуре, пересыпанные едкими замечаниями, во вкусе знакомого ему Рабле, то о том, то о другом участнике процесса, послужили темой для судебных игр Бомарше.

По праздникам вся семья Каронов направлялась в церковь. Нелегко было собрать вместе эту многочисленную семью. Юные члены ее с самого утра разбредались по разным закоулкам, но Карон-отец нашел выход и придумал особенную систему штрафов. Каждый ребенок получал у него в месяц определенную сумму на лакомства и другие детские расходы, и вот – кто опаздывал в церковь, у того вычиталась часть этой суммы. Кто приходил после начала, у того удерживалось 12 су, опоздавший к чтению Евангелия штрафовался на 24 су, а не заставший возношения даров терял четыре ливра... «Таким образом, – вспоминает об этом Бомарше, – у меня очень часто оказывался дефицит в шесть или восемь ливров».

Десяти лет от роду Бомарше был отдан в школу в Альфоре. Что это была за школа, в точности неизвестно. Фигаро в «Севильском цирюльнике», многими чертами похожий на своего творца, говорит, что обучался ветеринарному искусству, но, по справке Ломени, ветеринарная школа в Альфоре была открыта гораздо позже. Гюден сожалеет, что старик Карон не отдал сына в университет или иезуитскую коллегию, отсюда следует заключить, что Альфорская школа была ниже и того, и другого учреждения. По-видимому, Бомарше был отдан в Альфор полным пансионером и только по праздникам приходил домой. Двенадцати лет он впервые исповедовался в монастыре отцов Босоногих¹, где ему чрезвычайно понравилась картина Страшного Суда, доказательство раннего развития у него эстетического чувства. Накануне праздников,

---

¹ т. е. монахов-францисканцев

направляясь из школы домой, он часто сворачивал в Венсенн, к своему исповеднику, посмотреть на любимую картину и послушать рассказы монаха, тем более что эти рассказы всегда заканчивались хорошим угощением для слушателя.

В Альфорской школе Бомарше пробыл всего три года. На тринадцатом году отец взял его обратно домой. Вероятно, средства не позволяли старику Карону дальнейшие расходы на воспитание сына. Ему нужен был помощник в семье, работник в возможно скором времени. Наконец, как видно из его писем, он высоко ставил ремесло часовщика, а при таком настроении, естественно, не мог желать для своего сына ничего лучшего. Очень может быть также, что молодой Карон сам навел отца на мысль о прекращении курса наук своими скромными успехами.

Багаж знаний, с которым Бомарше возвратился под сень родительской кровли, без сомнения, был невелик. В Альфоре его обучали среди прочего латыни, и некоторые обстоятельства дают повод думать, что Карон-сын преуспел в этой науке. В 1741 году Париж праздновал блестящею иллюминацией рождение королевского принца. Начальство Альфорской школы отпустило своих питомцев посмотреть на это зрелище, и Бомарше в числе других. Как вспоминал он потом, его особенно поразила своим значением огненная надпись на здании тюрьмы – «*Usque in tenebris*» («Даже во мраке»). Беттельгейм полагает, что смысл этой фразы был объяснен Бомарше тем самым монахом, который угощал будущего писателя вкусными завтраками. По мнению немецкого биографа, знакомство Бомарше с латынью было весьма ограничено, и все цитаты в его сочинениях из римских классиков не что иное, как дань господствовавшей в то время моде. Действительно, в бумагах писателя сохранился список всех подобных изречений с приложением французского перевода их, исполненного рукою Бомарше. Но если Бомарше страдал недостатком дипломированного образования, то он с избытком обладал конечным результатом всякого образования: живым умом, способным верно судить о вещах. Гений выручал плохого школьника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.